

Анри Лефевр

Повседневное и повседневность*

Прежде чем ряд революций ознаменовал собой приход так называемой современности, жилье, одежда, пища и питье – коротко говоря, образ жизни – были чрезвычайно разнообразны. Не подчиненный какой-либо одной системе, образ жизни различался в зависимости от региона и страны, слоя и класса населения, доступности природных ресурсов, времени года, климата, профессии, возраста и пола. Это разнообразие никогда в полной мере не осознавалось и не распознавалось как таковое; оно сопротивлялось рациональному объяснению – подобное объяснение возникло только в наше время благодаря разрушению самого разнообразия. Сегодня мы являемся свидетелями общемировой тенденции к унификации. Господствует рациональное, ему сопутствует, но не разнообразит его, иррациональное; знаки (по-своему рациональные), прилагаются к вещам, свидетельствуя о престиже их обладателей и о месте последних в социальной иерархии.

Формы, функции и структуры

Что же произошло? Существуют (и всегда существовали) формы, функции и структуры. Вещи и институты, «объекты» и «субъекты» предстают перед чувствами в доступных и распознаваемых формах. Люди, по отдельности или в группах, выполняют разнообразные функции, как физиологические (еда, питье, сон), так и социальные (работа, путешествие). Структуры – естественные и социальные – допускают публичное или частное исполнение этих функций; однако здесь существует радикальное, коренное отличие – эти формы, функции и структуры раньше не были предметом познания и именования. Одновременно и связанные друг с другом, и различающиеся, они были частью недифференцированного целого. Пост-картезианское аналитическое мышление часто проблематизировало эти конкретные «тотальности»: каждое исследование природной или социальной действительности предполагало наличие некоторого сопротивляющегося анализу остатка, и совокупность таких феноменов, неизбывных и неустранимых человеческой мыслью, была объектом бесконечного осмысления – резервом мысли божественной. Каждое сложное «целое», от простейшего орудия до величайших произведений искусства и науки обладало, следовательно, символической значимостью, связывающей его с предельными ценностями – божественным и человеческим, властью и мудростью, добром и злом, счастьем и невзгодами, непреходящим и эфемерным. Эти величайшие ценности сами по себе различались в зависимости от исторических обстоятельств социальных классов, правителей и учителей. Каждый объект (стул и предмет одежды, кухонная утварь и здание) тем самым был отмечен некоторым «стилем» и, соответственно, в качестве изделия, обладал (одновременно скрывая их) более широкими функциями и структурами, являвшимися интегральной частью его формы.

Что же изменилось? Функциональные элементы были разделены, рационализированы, стали производиться промышленным способом и затем принудительно вменяться и навязываться посредством рекламы и могущественных экономических и политических лобби. Взаимосвязь формы, функции и структуры не исчезла. Напротив, она стала декларироваться, производиться *как таковая*, как все более и более наглядная и явная, как провозглашаемая и предъявляемая в прозрачных отношениях этих трех элементов. Объект эпохи модерна ясно говорит о том, *что* он есть, о своей роли и о своем месте. Но это не

---

* Данный текст был впервые написан А.Лефевром в качестве статьи «Quotidien et Quotidiennet» для *Encyclopaedia Universalis*; переведен Кристиной Левих на английский и опубликован в журнале Йельского университета: H. Lefebvre, C. Levich. *Everyday and Everydayness* // *Yale French Studies*. 1987. N73. P. 7-11.

предотвращает его переоценки, увеличения числа знаков его значимости: знаков удовлетворения, счастья, качества, материальной ценности. Будь то кресло, кофемолка или автомобиль – сегодня триумvirат формы, функции и структуры очевиден и отчетлив.

В рамках этих параметров возникли многочисленные системы и подсистемы, каждая из которых устанавливает на свой собственный манер более или менее устойчивый набор более или менее постоянных объектов. Например, в архитектуре множество локальных, региональных, национальных архитектурных стилей уступили место «архитектурному урбанизму», универсализированной системе структур и функций, по общему мнению, воплощенных в рациональных геометрических формах. То же верно относительно промышленно производимых продуктов: система группирует их относительно различных функционально специфичных предметов домашней утвари, таких как холодильник, морозилка, духовая печь и т.д. И конечно тотализирующая система, созданная вокруг автомобиля, по видимому, готова принести в жертву все общество ради своего господства. Случилось так, что эти системы и подсистемы имеют тенденцию вырождаться и выходить из строя. И не подходит ли к своему концу эпоха самих автомобилей?

По некоторым причинам жилище, одежда, пища тяготеют и тяготееют к тому, чтобы образовывать автономные подсистемы, закрытые друг от друга. Каждая из них стремится произвести впечатление такого же великого разнообразия, каким обладали прошлые стили жизни, стили жизни до-современной эпохи. Но это только кажущееся многообразие. Как только господствующие силы, дающие возможность этим элементам комбинироваться, познаны, искусственный механизм их группирования становится очевиден, а идиотизм их многообразия – нестерпим. Система терпит крах.

Все подобные системы объединяет общий закон функционализма. Следовательно, повседневное можно определить как набор функций, которые связывают и объединяют системы, кажущиеся различными. Понятая так, повседневность есть продукт, главнейший из продуктов в эпоху, когда производство порождает спрос, когда производители манипулируют потребителями: не «работники», а менеджеры и собственники средств производства (интеллектуальных, инструментальных, научных). Повседневность – это, следовательно, наиболее универсальное и одновременно единственное в своем роде условие, в наибольшей степени социальное и одновременно наиболее индивидуализированное, наиболее очевидное и наилучшим образом скрытое. Условие, необходимое для удобочитаемости форм, предписанное средними значениями функций, вписанное в структуры, – повседневность задает платформу, на которой возводится бюрократическое общество контролируемого консьюмеризма.

Общий знаменатель

Следовательно, повседневность – это концепт. Для того чтобы стать таковым, реальность, которую он обозначает, должна была начать доминировать, а прежние страхи дефицита – «дай нам днесь хлеб наш насущный» – исчезнуть. До недавнего времени вещи, мебель, здания создавались индивидуальными, и каждая вещь имела отношение к принятым моральным и социальным взаимосвязям, к символам. К XX столетию все эти связи исчезли, в том числе величайшая и древнейшая фигура Отца (будь то вечного или находящегося во времени, божественного или земного). Как постигнуть это экстраординарное и все еще недостаточно понятое обстояние вещей? Крах связи с моралью, историей, природой, религией, городами, пространством; даже крах перспективы в ее классическом смысле пространственности, крах тональности в музыке... Изобилие – рациональное, запрограммированное изобилие и планируемое «моральное устаревание» товаров – пришло на смену дефициту в Первом мире; произошла разрушительная колонизация Третьего мира и в конечном счете самой природы... Повсеместность знаков; всеобщая война и насилие;

революции, вспыхивающие одна за другой только для того, чтобы прерваться или обратиться против самих себя...

Устоявшаяся и застывшая, повседневность – это единственный оставшийся референт и точка отчета здравого смысла. «Интеллектуалы» же ищут свою систему координат в других местах – в языке, дискурсе, иногда в партийности. Здесь мы предпринимаем попытку расшифровать современный мир, эту кровавую загадку, с помощью кода повседневности.

Концепт повседневности, следовательно, не означает систему, но скорее является знаменателем, общим для существующих систем – юридической, договорной, педагогической, финансовой, правоохранительной. Банальность? Но почему исследование банального должно само быть банальным? Не является ли сверхъестественное, поражающее, даже магическое, частью реального? Почему бы концепту повседневности не раскрыть экстраординарное в обычном?

Повторение и изменение

Определенный таким образом, концепт повседневности делает более понятным прошлое. Повседневная жизнь существовала всегда, даже если ее формы были предельно отличны от наших собственных. Суть повседневности всегда заключалась в повторяемости и маскировалась желаниями и страхом. В исследовании повседневности мы открываем серьезную проблему повторения, одну из сложнейших проблем, стоящих перед нами. Повседневность расположена на пересечении двух типов повторения: циклическом, которое доминирует в природе, и линейном, преобладающем в процессах, называемых «рациональными». Повседневность, с одной стороны, предполагает циклы – день и ночь, времена года и сельскохозяйственные сезоны, деятельность и покой, голод и насыщение, желание и его удовлетворение, жизнь и смерть, – с другой стороны, она заключает в себе повторяющиеся действия труда и потребления.

В современной жизни эти повторяющиеся действия маскируют и разрушают циклы. Повседневное несет с собой монотонность. Монотонность – константа тех изменений, которые повседневность содержит в себе. День следует за днем, один не отличается от другого, и все же – в этом заключено фундаментальное противоречие повседневности – все изменяется. Однако изменение происходит согласно программе: устаревание запланировано. Производство предвосхищает воспроизводство; производство производит изменения таким образом, чтобы привнести впечатление скорости в монотонность. Одни жалуются на то, что время бежит все быстрее и быстрее, другие на то, что ничего не изменяется. Обе точки зрения верны.

Пассивность общая и пассивность особая

Общий знаменатель типов деятельности, локус и среда человеческих функций, повседневность можно также анализировать как нечто, унифицирующее основные сферы социальной жизни: работу, семью, частную жизнь, досуг. Эти сферы, хотя их формы и различны, обладают на практике структурным сходством, позволяющим нам раскрыть то, что их объединяет – организованную пассивность. В досуге это означает пассивность зрителя перед образами и ландшафтами; на рабочем месте – пассивность перед лицом решений, в принятии которых работник не участвует; в частной жизни это означает навязывание потребления, поскольку нашим выбором управляют, а потребности создаются рекламой и маркетинговыми исследованиями. Кроме того, эта общая пассивность распределена неравномерно. Она сильнее давит на женщин, приговоренных к повседневной жизни; на рабочий класс, на работников, не являющихся технократами; на молодежь – коротко говоря, на большинство людей – хотя никогда одним и тем же образом, в одно и то же время, никогда одновременно на всех.

Современность

Повседневность лежит под поверхностью: поверхностью современности. Газетные новости, бурлящая аффектированность искусства, мода и сенсации скрывают бессмыслицу повседневности, никогда не уничтожая ее. Индустрия образов, кинематограф, телевидение «отклоняют» повседневность, по временам предлагая ей картину ее самой, иногда – зрелище чего-то в корне от нее отличающегося; насилие, смерть, катастрофы, жизнь королей и «звезд», то есть тех, кто, как нас стремятся убедить, бросают вызов повседневному. Современность и повседневность составляют глубинную структуру, которую критический анализ может вскрыть.

Такой критический анализ повседневности сам артикулируется несколькими противоречащими друг другу способами. Одни проявляют нетерпимость по отношению к повседневному; они желают «изменить жизнь» и немедленно; они хотят всего и сразу! Другие полагают, что опыт обычной жизни не является ни важным, ни интересным, и вместо того, чтобы пытаться понять его, следует его минимизировать, взять в скобки, чтобы «расчистить место» для исследований науки, техники, проблем экономического роста и т.д.

Первым можно ответить так: изменение повседневности требует определенных условий. Нельзя порвать с повседневностью посредством некой экзальтации, будь то мирной или насильственной. Чтобы изменилась жизнь, должны быть изменены общество, пространство, архитектура, даже город. Вторым можно ответить следующим образом: недопустимо сводить значение «проживаемого опыта» к нулю, понимать неадекватность ханжеского гуманизма не означает смотреть на людей как на насекомых. Из-за того, что в нашем распоряжении находятся колоссальные технические средства и по причине ужасных опасностей, ожидающих нас в будущем, мы в таком случае рискуем отказаться от гуманизма «человеческого» только ради того, чтобы войти в область «сверхчеловеческого».

*Перевод с английского Николая Эдельмана
Под редакцией Виктора Вахштайна*